

Когда я учился и жил в Берлине, то регулярно ходил в бассейн. В среду и четверг, всегда до обеда. Это время было наилучшим. Там было не таклюдно, а молодёжь была ещё в школе, так что шумно не было. А глаза видели многое. Омас, плавающий брасом по своей дорожке, меня не интересовал. Но там было очень много привлекательных особ и женского пола. Я полагаю, это домохозяйки, которые используют предобенные часы, чтобы немного позаниматься спортом.

Такой была Габи. Конечно, я не знал, действительно ли её зовут Габи, так её называл только я. Заметил я её шесть недель назад. Так я её окрестил, потому что она выглядела, как Габи Дом, актриса. Ей было между 40 и 45 годами, тёмно-русые, не очень длинные волосы, загорелая кожа. Она приходила не плавать, а загорать. Для этого жарким летом 1991 года было много возможностей.

Уже когда я в первый раз её увидел, по моей спине пробежали мурашки. Я вышел из бассейна и направился к своему полотенцу. Она лежала примерно в трёх метрах от моего полотенца, принимая солнечные ванны с закрытыми глазами. Её чудесный загар заставил моё сердце стучать быстрее. Несмотря на возраст, у неё было безупречное тело. Длинные, стройные ноги блестели на солнце. Её тонкая талия была едва прикрыта чёрной полоской трусиков. Было видно, что её киска совсем чуть-чуть подбрита. Её живот украшала татуировка в виде розы. А груди! Каждая размером с грейпфрут, они поднимались шарами вверх. Никакой дряблости, никаких признаков обвислости. Острые соски, которые, как маленькие антенны покачивал лёгкий ветерок, торчали вверх. Её лицо с острыми чертами было почти без морщин, только один или несколько поседевших волос выдавали её возраст.

В свои 22 года я тогда ещё был не очень опытен. Подруги у меня ещё не было, но я поддерживал свой сексуальный опыт тем, что регулярно дробил. Чаще всего я это делал раз в день, но иногда даже два или три раза в день. Вид грациозно лежащего рядом со мной тела не мог не вызвать последствий. В моих плавках нарастало напряжение, а спереди вырисовывалась растущая шишка. Вчера я не дробил, и был заряжен вдвое сильнее обычного. Медленно я направил правую руку между ног, и начал тереть ладонь об свои плавки. Мой насос становился всё больше и твёрже, и медленно поднял мои плавки, так что можно было рассмотреть мои упругие яички. Лево́й рукой, поочерёдно, я гладил мошонку и залу́пу. Лево́м средним пальцем оттягивал крайнюю плоть назад и вперёд, и снова назад и вперёд. Я был возбуждён! Это так здорово! О, да.

Торопливо я посмотрел налево. Но она лежала всё так же, как я её видел до этого. Я сейчас был сильно возбуждён, но не хотел, чтобы кто-нибудь из лежащих на лугу заметил, как я дроблю. Итак, я снова вернулся к своему насосу. Несмотря на плавки, он теперь стоял почти перпендикулярно моему телу. Правой рукой я достал его из-под своих чёрных, узких плавков, и дробил, как будто делаю это в последний раз! Свободной рукой я двигал крайнюю плоть взад и вперёд, всё быстрее и сильнее, сердце стучало, дыхание прерывалось. Лево́й рукой я массировал яйца. Ох, как это здорово! Хорошо! Кровь прилила к моему члену, головка всё больше распухала. Только большим и указательным пальцем двигал я теперь мою крайнюю плоть, так быстро, что почти обессилел. Но потом я почувствовал, что сейчас кончу. Я дробил всё быстрее и начал стонать. Ещё быстрый взгляд налево. Неужели она заметила? Нет,

наверняка нет. Кончаю, сперма выстреливает высокой дугой мне в лицо и на живот. Ещё 5—6 раз вздрогнул мой тугой насос и выдал мне ещё больше сиропа счастья. Потом спало напряжение. Я подрочил, посмотрел ещё раз на Габи, которая всё ещё лежала без всякого напряжения такой, какой я её видел раньше, и пошёл домой.

Потом, когда я ходил в бассейн, я тут же разыскивал свою, так называемую, Габи. Чаще я видел её на том же месте. И каждый раз снова дрочил. Иногда я лишь смотрел на неё, и от этого мне становилось жарко. Тогда я шёл в кабинку для переодевания и спускал там, а, иногда, под деревьями. Но несколько раз я со своим полотенцем снова лежал рядом с ней, и моя сперма выплёскивалась там. Однажды я даже попытался проследить за ней после бассейна, но не смог на своём велосипеде догнать её мопеда.

Однажды в Августе я снова лежал в нескольких метрах от неё с колотящимся сердцем и стоящим хуем. Левая рука снова легла на мошонку, для контроля я оглядывался налево, чтобы всё было в порядке.

Нет, этого не может быть!!! Мой насос тотчас поник, я торопливо засунул его в плавки и натянул полотенце на живот. Габи сидела прямо подле меня и с ужасом пристально смотрела на меня. Она снова была одета, а её голая грудь была прикрыта тёмно-синей блузкой. У меня остановилось дыхание, сердце дико колотилось, и больше всего мне хотелось провалиться сквозь землю. Она только покачала головой и сказала, что ещё никогда не видела такого свинства, что я здесь, в открытом бассейне, докучаю гостям, это невозможно и, и, и. Я стал красным, как рак, от стыда больше всего хотелось провалиться под землю. Определённо, она расскажет обо мне зрителю бассейна. Я получу домашний запрет, и, возможно, ещё штраф за открытое оскорбление нравственных чувств. И вообще, всё это до того неприятно.

Я спросил, что она теперь от меня хочет. Может быть, мне пойти с ней к зрителю бассейна?

— Только, пожалуйста, не устраивайте здесь представления. Мне и это уже невыносимо. Она немного подумала, и потом сказала, какое-то же справедливое наказание я должен получить за такую бесцеремонную выходку.

— Пойдём со мной, — сказала она, подтянула свои белые узкие шорты и потянула меня за руку.

Я надел джинсы и рубашку, и пошёл за ней. Что сейчас будет, спрашивал я себя. Мы вышли из бассейна. На этот раз у неё была машина, а не мопед. Она приказала мне сесть в машину. «Что она собирается со мной сделать», — спрашивал я себя и не находил ответа.

Немного проехав, мы прибыли к её дому и вошли во внутрь.

— Не бойся, — сказала она, — мой муж в командировке, а дети ушли в школу, у них ещё спортивные занятия. Нам никто не мешает.

Потом она провела меня на кухню. У меня прерывалось дыхание, я начал понимать, какого такого штрафа она хотела. Медленно возвращались к жизни мои половые органы, и я почувствовал новый прилив крови.

— Нет никакой радости, наводить в доме чистоту одной, — сказала она, давая мне в руку тряпку для уборки пыли.

Потом расстегнула пуговицы на моих джинсах и сняла с меня брюки, при этом её тугие груди, как бы случайно, прикоснулись к моему животу и проскользнули над моими яйцами. Я почувствовал, что её соски затвердели, видел, как они совсем чётко проступают через блузку. Под ней больше ничего не было. После чего она сняла с меня рубашку, заставила вытирать

пыль, а сама растянулась на диване, наблюдая за мной. В моих плавках снова начала вырастать большая шишка.

Я вытирал и вытирал пыль и видел, что Габи медленно направляет свою руку на свои узенькие шорты. Теперь я заметил, как под ними вырисовываются бикини. Она просунула руку под всеми брючками, и начала медленно гладить себя по верх трусиков. Она тихо застонала. Моя шишка выростала всё больше, и я повёл руку по направлению к хую.

— Стоп, — сказала она. — Ещё не оплачен штраф.

Я снова взял тряпку и вытирал пыль на шкафу. Её стоны становились громче. Она немного приспустила шорты, и её рука уже была под трусиками. Она наблюдала за мной, как я с огромной штуковиной в плавках вытираю пыль с телевизора. Видимо ей нравилось, как я у неё служу. Левой рукой она приподняла блузку. Я снова мог видеть её упругие груди с твёрдыми сосками в виде антенн, и как она их массировала той же рукой. Её стоны постепенно превратились в радостный крик. Тогда она схватилась за комод, стоящий рядом с диваном, выдвинула ящик и достала огромный вибратор. Села прямо и нетерпеливо сбросила шорты и трусики. Теперь был открыт вид на чудесный грот, какой я ещё никогда не видел. Ни один волос не окружал её срамные губы. Клитор отчётливо набухал и становился красно кровавым. Киска блестела от влаги. Она раскинула ноги, задвинула вибратор до отказа в свою пиздищу, застонала ещё громче и запустила вибратор, который, тихо жужжа, подводил её всё ближе к высшей точке наслаждения. Она засовывала и вытаскивала резиновый насос, а другой рукой ласкала клитор. Всё быстрее становились её движения, всё громче стоны; она закрыла глаза и наслаждалась еблей. Между тем я прекратил вытирать пыль и уставился на эту полную радости бабу, которая мастурбировала у меня на глазах. При этом я снова тёр свой стоящий на изготовку член. Потом она много раз вскрикивала, выворачивала глаза и наслаждалась оргазмом, какой она, не смотря на свой опыт, вероятно, переживала не часто. Когда Габби постепенно успокоилась, она посмотрела на меня, и спросила:

— Тебе понравилось на это смотреть?

У меня не было слов, чтобы описать нахлынувшие на меня впечатления, и я только кивнул.

— Возбуждает, правда? — сказала она, а потом призналась, что ещё при первой нашей встрече в бассейне заметила, как я дрочил.

Сначала она ужаснулась, но потом нашла представление возбуждающим, когда молодой жеребец, вроде меня, находит её тело таким привлекательно — возбуждающим. И позже, когда я использовал её, как образец, чтобы подрочить, она часто это видела. Иногда она тоже шла за мной в кабинку для переодевания, тайком наблюдала, как я дрочу, и вставляла при этом себе в пизду палец.

— А теперь ты, стерва, бессовестно используешь ситуацию, — сказал я ей.

— Кто же это начал, — продолжала она, — ты, возможно, заслуживаешь не наказания, а награды. Иди сюда!

Она стянула с меня плавки. Мой довольный насос быстро выскочил наружу. Разработанными пальцами она дрочила мою крайнюю плоть туда и сюда. Мясистыми губами она обхватила мою залупу и начала сосать, в то же время продолжая дрочить мой хуй.

— Нравится?

Вместо ответа она слышала только мой стон. Благодаря её представлению я был уже так возбуждён, что через короткое время кончил. Я вытащил свой насос из её рта, который она широко открыла. Она дрочила и дрочила, и тогда из моего насоса выстрелила сильная струя

прямо ей в рот. Она облизывала мою залупу, и закатывала при этом от наслаждения глаза. Очевидно, ей пришлось по вкусу моя сперма от дочки и она следила за тем, чтобы каждая капля попадала ей в горло.

Я выбился из сил и..